

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА Т. ТОЛСТОЙ «РЯЖЕННЫЕ»

Художник «находит» свой жанр в процессе соотнесения своей субъективной позиции с «целым миром», в свете общей связи социально-исторических явлений и всеобщего смысла бытия, но при этом он должен «оправдать» его опытом и логикой тех «законов жизни», которые отстоялись в жанровых структурах. Т. Толстая — одна из тех писателей, кто постоянно ищет оптимальные жанровые формы, позволяющие «отпортретировать» многоликую реальность сегодняшнего дня. Ее рассказ «Ряженные» может послужить ярким примером прозы острого ощущения исторической правды в преломлении современности. Рассказ тяготеет к той, т. н. «литературе факта», которая включает в себе глубокую социальность, однако документально достоверный материал, сближая содержание произведения с жизнью, отнюдь не переводит рассказ в разряд наполовину литературных жанровых форм, поскольку эстетически «организуется», подчиняется «грамматике» поэзии. Эмоционально освещенный и пристрастно откомментированный (вплоть до явной несбалансированности аналитизма и пафосности) в силовом поле лирической раздумчивости он становится «своим», превращается в реальный художественный образ, который, как говорят лингвисты, расширяет свое семантическое поле вплоть до осмысления как символа. «Сращение» репортажной беспристрастности и «страстности» идейной позиции автора, полемической заостренности в высказываниях с активным использованием тропов особой эмоционально-экспрессивной насыщенности, производит особенный художественный эффект: резкий эмоциональный контраст усиливает драматическое звучание, позволяет свести на подтекстном уровне воедино сюжетные начала и концы, придать образам-портретам завершенность.

Жанровый облик рассказа определяет субъективная повествовательная конструкция причинно-психологического типа с ассоциативной связью сюжетных компонентов. Ассоциативный принцип художественного моделирования действительности обуславливает эскизность изображения, размашистость письма. Мозаичность сведения фактов, описаний и размышлений, событий и разбуженных ими чувств, мелькание множества выразительных деталей, метафор и символов обобщающего характера при внимательном «вчитывании», вникании в суть их сцеплений отнюдь не мешает целостному восприятию картины мира, напротив, помогает увидеть ее более многопланово и всесторонне. Композиционно-повествовательная свобода не только обеспечивает широту охвата жизни, но и позволяет «синтезировать» лиризм с документализмом, соединив их «мостом» свободных аналитико-публицистических отступлений.

В отличие от «чистой» публицистики, для которой характерна одноплановость образа автора и соответственно одноплановость повествования, рассказ Т. Толстой отличается жанровая, стилевая и временная

многомерность. Конструктивным моментом объединения всех «сколков» действительности, многообразной и яркой жизненной пластики, которую автор перебирает и складывает в мозаику на глазах читателя, является гражданская позиция, социально-политические «пристрастия» автора, мощный поток главного лирического чувства. Причем, речь идет не о «персонификации» идей, но лирической медитации личности, вовлеченной в движение большого социального мира, отмеченной богатой гаммой эмоционально-психологических интонаций — от проникновенно-лирической, грустно-просветленной до негодующе обличительной. Авторская мысль тяготеет к «приращению» обобщающего смысла к конкретному образу или ситуации, не просто обозначению явления и истолкованию его, но «сгущению действительности», превращению заурядных фигур в «логарифмы» социально-философских и психологических обобщений. Автор открыто афиширует свое экспрессивное эго-пространство личной борьбы за что-то или за кого-то, свою непосредственную сопричастность к рассказываемому. Нарративная организация повествования с позиции «я-участника» презентует личность духовно богатую, утонченную, демонстрирующую высокий интеллектуальный уровень, осмысляющую себя в соотнесенности с культурным хронотопом прошлого, но при этом обладающую нервно-обнаженной чуткостью к «неготовой современности» (М.М. Бахтин). Прямо и непосредственно автор руководит читательским мнением, предлагая уже готовую интерпретацию и оценку изображаемых жизненных явлений. На всякую точку зрения, им не разделяемую, набрасывается разъедающая тень иронии.

Принципиальная неканоничность архитектоники повествования, отсутствие заданности, выровненности, логизированности развития образов, призвана создать впечатление воссоздания картины мира во всей не отобранной множественности его проявлений, обеспечивает таинственную недоговоренность, надстроенное семантическое поле. Все «психологические» фрагменты (им придается драматическая форма), «куски» и «осколки» сменяющихся картин, диалогов, штрихов сцементированы в художественную целостность единым настроением, душевным состоянием. Предметом рефлексии становится историческая судьба России, социальное бытие и национальное сознание, духовный потенциал наших современников в условиях жестких идейных ристалищ, создания нового идеологического декора. Портреты-характеры «ряженных» характерологически «выписываются» сугубо бытовыми штрихами, на первый взгляд, несущественными деталями, но даже при наличии всех примет бытописания, Т. Толстая стремится разгадать тайны и загадки, заключенные не в пределах быта, но связанные с широкой социальной действительностью, с перспективами динамики исторических сил.

Движение изобразительно-событийного материала в рассказе подчинено логике развития аналитико-публицистической мысли. Ее заостренность, углубленная аналитичность письма в рассказе Т. Толстой не является результатом «лабораторной работой» холодного рассудка:

публицистические размышления всегда пронизывает поток эмоций, «рассуждающие конструкции» лирически одухотворены, предметно-пластические образы с необходимостью наполняются настроением, моменты жизненного содержания с обязательностью вводятся в формирующуюся систему не просто размышлений, «объясняющих» факт, но размышлений, так сказать, жанрового свойства — размышлений-переживаний. Единство камерно-исповедального и социально значимого в самой ткани повествования осуществляется не вопреки индивидуальному и психологическому, как это можно наблюдать в «чистой» публицистике, и не отдельными «комментариями»-отступлениями как в эпико-повествовательных жанрах: рассказ Т. Толстой — это жанровое явление не публицистики как таковой, но публицистичности, вырастающей из прямоты и остроты гражданского отношения авторов к явлениям социальной действительности. Обобщение и социальная заданность в обрисовке ситуаций и явлений действительности целиком находится в сфере активного и свободного выражения авторского «я». «Лирическая концентрация» авторской личности, как особый способ мышления, не означает полную атрофию жанрового мышления эпика, не отрицает выход к определенной исторической концепции. Аналитическое исследование современного состояния отечественной жизни находится в пределах личных «переживаний», но сугубо личное, индивидуализированное восприятие отображаемой действительности вполне способно выражать общенациональное мироощущение.

То ироничный наблюдатель (ирония в рассказе — форма неприятия жизненных норм и морали эпохи), то философ, то гневный обличитель, публицистически комментируя «ряженность», повествователь стремится «угадать» в индивидуально-биографическом социально значимое в масштабе всей страны. Облик «ряженных» раскрывается в том числе и в системе логических мотивировок их поступков в конкретно-жизненных ситуациях, обнажающих психологическую типичность их характеров, через изобразительную детализацию быта. У каждого своя биография и судьба, взаимоотношения между ними развиваются по объективным законам их социальной принадлежности, миропонимания. В оценке жизненной позиции и поведения «ряженных», их социальной психологии доминирует нравственный аспект, осмысление духовного потенциала личности. Тяготение автора к гротеску и алогизму, интенсивному, карикатурному преувеличению и заострению, сюжетным ситуациям, основанным на парадоксе является особым рода «критикой» конвенционально-логического восприятия мира: в кривом зеркале гротеска с его плакатной яркостью видно то, что остается незамеченным в зеркале «правильном». Вездесущая, многоступенчатая ирония и самоирония обозначает отстраненность автора от того уровня, на котором его персонажи осмысливают мир. С другой стороны, мировоззренческий аспект его скептико-иронического мироотношения отстраняет любую попытку свести жизнь к некой однозначной установке, подчинить жизнь умозрительной схеме. К тому же иронически

дистанцированное самонаблюдение налаживает фамиллярный контакт между реальностью и «ряженой» действительностью, смягчает открытую гражданственность и патетику.

Нагнетание слов одного семантического ряда (*«шапка из зайца, который при жизни был котом»* [1, с. 76], *«ложно-тибетское сооружение: овца под лису»* [1, с. 76], *«ушанка из синтетического барана»* [1, с. 76], *«веселое лживое личико»* ребенка, который *«притворился членом семьи»* [1, с. 80], *«ложь, воровство и хаос»* [1, с. 89] и т. д.) создает модель существующего общества, отражает своеобразие его строения. Сквозные образы и частные лейтмотивы, объединенные устойчивыми признаками *«фиглярства и скоморошества»* [1, с. 89], *«циркового варианта проклятых российских вопросов»* [1, с. 88], устойчивый параллелизм между природным и человеческим, стихийным и социальным (облекается он, прежде всего, в образы-символы ветра и метели), актуализируют оппозицию мнимое/реальное, создают объемную картину предапокалиптического состояния мира. В центре системы знаков публицистического дискурса ставятся в рассказе общие имена, по сути, лишенные атрибутирующих форм. Герои не детализируются психологически и не конкретизируются биографически, а предельно обобщаются, доводятся до однозначной четкости типа. «Ряженные» — это носители определенной философии и идеологии, каждый приобщен к тем сферам жизни, которые характерны для целой совокупности людей, отражают жизнь «представительным» (от определенного социального слоя, определенной нравственной или мировоззренческой позиции) способом. Такое «совокупное» действующее лицо с характерными психологическими качествами, которые определяются особенностями национальной и общественно-исторической жизни, позволяет представить наиболее общие черты социально-исторического бытия.

Таким образом, жанровую сущность и поэтику рассказа Т.Толстой определяет такое художественное освоение мира, которое включает в себе изображение личности в ее сопряжении с неким знаковым комплексом социально-исторических и философско-этических проблем современности. Их художественно-публицистический анализ с переносом постановки общественно значимых вопросов на личную почву, с «персонификацией» фактов и идей, «дополнение» сугубо художественного иными перекрещивающимися потоками информации в определенном смысле позволяет преодолеть метафизическую разорванность мира и индивидуума, противоречие между «единичностью» субъективно-личностного и «тотальностью» универсальной всеобщности социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая, Т.Н. День: личное. — М.: Подкова, 2001.

